

РИТТА ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

ШЕЛ

СИНИЙ СЧЕТ

Игры Жизни и Смерти

Ритта Преображенская

Шёл синий снег

«Автор»

2026

Преображенская Р.

Шёл синий снег / Р. Преображенская — «Автор», 2026 — (Игры
Жизни и Смерти)

Когда недовольство судьбой охватывает смертных и бессмертных, мир может измениться. Вот тогда и случаются чудеса, подобные синему снегу, падающему с небес. Но что на самом деле несет этот знак свыше? Каждый получит то, что заслужил.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА I. Снежная тюрьма	8
ГЛАВА II. Ледяные сны	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ритта Преображенская

Шёл синий снег

ПРОЛОГ

Великий Магистр Альви – верховный маг Лиркании и земель, что раскинулись вокруг, уже много лет вёл жизнь затворника. Несмотря на все предпосылки для счастливой и сытой бытности при дворе, он выбрал уединение и аскезу. И всё это ради исполнения одного единственного желания. Долгие годы Альви вёл поиски. Всё его помыслы сузились до узкого коридора единственной цели: отыскать ту, что когда-то давно, в дни расследования мрачного Дела о морах, спасла ему жизнь. Так было нужно, чтобы навсегда искоренить зло, с которым была связана история Моровых Земель и их хозяев.

Некрополь, где проводились тёмные ритуалы, превратился в пыль, быстро развеянную по округе. Воспоминания о кровавых и жутких событиях, виновниками которых были Наперсники Смерти – существа, похожие на людей, но наделённые мощнейшей тёмной магией их покровительницы, – все мысли об этом были благоразумно стёрты из памяти местных жителей. Альви сам отдал такой приказ, но в его личных воспоминаниях по-прежнему царил образ хрупкой девушки, одетой в глухое чёрное платье. Альви будто снова видел её бледное тонкое лицо, полное какой-то неземной мученической печали, неестественно алые губы и синий огонь в глазах. Наконец Великий Магистр решил не лгать себе. Эта юная Наперсница Смерти навсегда изменила его жизнь, будто приворожив его. Альви, пытаясь объяснить себе такое развитие событий, видел в этом воздействие тёмной магии, остатками которой по-прежнему была пропитана окраина Лиркании, несмотря на все усилия магов Ордена Светлейшего по зачистке территории.

А как ещё можно объяснить тот факт, что девица, не слывшая первой красавицей, так заморочила голову совсем не рядовому мужчине, способному противиться воздействию чужой магии? Впрочем, Наперсница Смерти, похоже, относилась к тому ускользающему типу личностей, которые остаются в душе навсегда и периодически напоминают о себе, словно старые раны. Нет, это была не любовь, а какая-то странная привязанность, как если бы в сердце вонзили железный крюк на длинной цепи, которая, периодически натягиваясь, давала о себе знать приступами жгучей боли.

В надежде излечиться и найти хоть какую-то подсказку о том, куда могла исчезнуть загадочная персона, притягивающая его внимание, Альви поселился в обветшавшем после исчезновения хозяев Медоресвилле – замке на высоком холме, по-прежнему исполненном мрачной красоты. Во времена Дела о морах этот архитектурный шедевр стал печально известен как цитадель Наперсников Смерти и пристанище демонов первого лика, пришедших из мира их богини, именуемой Чёрной Княгиней. Здесь, среди остатков былой роскоши и величия, Альви пытался найти какие-нибудь зацепки, которые могли бы привести его к предмету поиска или хотя бы установить связь с его мучительной мечтой.

В этот вечер Верховный Магистр ордена Светлейшего стоял у окна той самой башни, где Хозяин Медоресвилля подвергал его пыткам. Шрамы от ритуального кинжала, навсегда оставили отметины на теле Альви в виде замысловатых узоров, покрывавших теперь кожу причудливым орнаментом. Никакие заклинания и снадобья светлых не смогли вывести этот символ силы Чёрной Княгини. В башне Великий Магистр даже ощущал элементы боли, воспоминания о которой тоже бередили память.

У его ног, как и много лет назад в миг спасения, улеглась серая кошка, которую Альви назвал Годьерной, в честь хозяйки замка. Это был фамильяр той, кого он искал. Обычно фами-

льяры следовали за своим создателем, но Наперсница Смерти почему-то оставила преданную ей сущность на произвол судьбы. Впрочем, она совершила дерзкий побег от своего наставника Медореса, значит, ей было не до фамильяров: самой бы ноги унести.

Серая кошка Годьерна была единственной нитью, связывающей Альви с её хозяйкой. Великий Магистр знал, что обычные методы поиска здесь не сработают, да и большинство необычных, которые он уже испробовал, – тоже. Ведь он имел дело не просто с могущественным некромантом; хозяйка серой кошки была частью самой Смерти, доверенным лицом и карающей дланью своего божества. И чтобы найти ту, что когда-то носила имя Годьерна, Альви требовалось скользнуть на грани, где свет и тьма переплетаются в единое целое. Непростительный риск для светлого, равнозначный отступлению от части постулатов веры.

Что там у тебя? # спросил Великий Магистр, когда кошка, надолго отлучившись куда-то, притащила в зубах клочок бумаги, видимо, вывалившийся из какой-то книги, с которой ей вздумалось поиграть.

Альви отобрал трофей, слегка разжав кошачьи зубы. Страница содержала упоминание о древней технике «Эхо Душ». Эта техника позволяла не просто отслеживать магические следы, но и чувствовать отголоски эмоций и очертания окружения. Как это сразу не пришло ему в голову?! Ведь он уже читал об этом, когда Владыка Медорес позволил Альви, бродить по этому замку, принимая молодого мага за художника.

В основе техники «Это Душ» лежала связь ведьмы с фамильяром – существом, сотканным из её собственной сущности. Чтобы вызвать это эхо, фамильяру необходимо было причинить страдание. Лишь в момент боли, когда его связь с хозяйкой обостряется до предела, фамильяр издавал зов, который разносится сквозь ткань миров, и, достигнув души хозяйки, отражается от неё. Эта отражённая волна, если она правильно поймана, может показать не только место нахождения объекта. Правда образы будут неясными искажёнными, их надо будет верно истолковать.

Ведущий поиски, должен быть готов приблизиться к грани смерти, усмиряя дыхание и замедляя сердцебиение до едва уловимого ритма. Это не просто медитация, это искусство балансирования на лезвии бытия, где грань между жизнью и небытием становится тонкой, как паутина.

В миг, когда отголосок чужой души, пробивающийся сквозь завесу реальности, достигнет его, Альви собирался использовать «Око Светлейшего» – артефакт, способный в том числе помогать своему хозяину прозревать сквозь иллюзии. С его помощью можно разглядеть не просто образы, а отпечатки мира, в котором скрывается искомая ведьма, её окружение, её убежище. Перед тем, как ступить на эту скользкую тропу, магистр взял кошку на руки и посмотрел ей в глаза.

– Прости! – прошептал он.

Кошка доверчиво уткнулась мохнатым лбом ему в грудь, и от этого жеста доверия и привязанности у Альви болезненно сжалось сердце.

– Боль будет недолгой! – виновато пообещал он. – А потом исчезнет и ты полакомишься колбасой.

Затем, следуя древнему ритуалу, Альви сконцентрировал вспышку белого пламени духа внутри, будто опаляющего его сердце, и мысленно обратился к своему богу:

– Светлейший, я знаю, что эта техника требует погружения в тень, но моя цель – свет. Я ищу эту женщину, чтобы остановить зло, которое она несёт. Дай мне сил пройти этот путь, не потеряв себя!

Вскоре замок огласился жалобным мяуканьем кошки, а все миры истошным криком её души, будто приоткрывающим завесу тайны для Альви. Он, закрыв глаза, и укрепив на лбу кристалл «Око Светлейшего» сидел на полу, отпуская свой дух в дальнейшее путешествие. С каждым мгновением магистр приближался к черте, за которой простиралась Чёрные Луга – страна

смерти, где реальность искажалась, а тени обретали плоть, прорастая чёрными цветами отнятых жизней. Воздух становился тяжелее, пропитанный запахом тлена и страха. Альви тянуло туда неодолимой силой, но он пока мог сопротивляться этому стремлению.

Эхо души фамильяра становилось громче, обретая форму. Альви знал, что оно достигло хозяйки и теперь несло в себе образы мира, в котором скрывалась Наперсница. Они начинали проступать сквозь туман, но вместе с этим приходило и ощущение чужого мрачного присутствия. Чёрная Княгиня почувствовала давно обещанную ей жертву, когда-то вырвавшуюся из пут Медореса раньше, чем она успела вкусить силу Светлейшего, мерцающую в молодом маге, как огонь в сосуде. Сейчас её всепроникающий взгляд искал Альви в переплетении миров. Её присутствие ощущалось как холодный сквозняк, пробирающий до костей, даже сквозь плотную ткань слоёв энергетической защиты. И магистр знал, что следующий его шаг к цели может стать для него последним, но продолжал поиски, будто его вело уже нечто большее, чем желание докопаться до истины или долг Великого Магистра.

Мир, нарисованный Эхом Душ, ещё секунду назад казавшийся лишь бледным отражением реальности, теперь пульсировал, наполняясь зловещими оттенками и действующими лицами, чьи судьбы навсегда были связаны с Наперсницей Смерти, также крепко, как и судьба самого Альви.

ГЛАВА I. Снежная тюрьма

Руаледа Светлоликая, принцесса Тамейрана, единственная законная дочь короля Даниса отложила пальцы и посмотрела в окно. Её единственный соперник – мороз, нагрывший вместе с холодными ветрами зимы, вышивал узоры на инистых покрывалах, а потом развешивал их на окна, будто чтобы потягаться в искусстве сотворения завораживающей красоты с хрупкой девушкой, в чьей тонкой изящной руке на миг замерла игла. Хороши узоры мороза! Таких идеальных линий, таких затейливых изгибов и сложных орнаментов никогда не создать смертным, но были они холодны и мертвы, а тот узор, что вышивала Руаледа, буквально лучился теплом.

Все свои чувства вложила в него юная принцесса. И вот холст из мёртвого полотна уж готов был превратиться в живой образ юноши со светлыми волосами и выразительными глазами, зелёными, как кристаллы, на дальних приисках. Оставалось только сделать несколько нежных стежков, но...

– Его Величество идут сюда! – послышался за дверью сдавленный от волнения девичий голос, а затем его сменили лёгкие удалявшиеся шаги и отчаянный шорох юбок.

Голос принадлежал Ните. Так звали верную служанку принцессы – шустрюю рыжую девицу на выданье, которой Руаледа доверяла все свои тайны. Сейчас, когда её госпожа находилась в заточении, Нита стала глазами и ушами принцессы в Снежном дворце – зимней резиденции королей Тамейрана. Услышав это предупреждение, Руаледа быстро спрятала своё рукоделие в сундучок, где хранились пёстрые ленты и нитки и, держа спину неестественно прямо, замерла у окна, не забыв раскрыть Книгу Светлых Богов, будто для того, чтобы молиться. Вскоре за мощной дверью покоев Её Высочества раздались тяжёлые шаги, громкий шелест шитых драгоценными камнями одежд и скрип сапог, а затем в замке зашуршал ключ.

– Дочь моя! – прогремел, как гром, бас короля Даниса. – Готова ль ты?

Владыка Тамейрана, заметно прихрамывая на правую ногу, повреждённую в битве с заморскими чудовищами, поселившимися с недавних пор в лесах королевства, и опираясь на посох, тяжёлой поступью вошёл в девичью светлицу, на время ставшую темницей для принцессы. Тому, кто не видел короля, а мог только слышать, как тот ступает по деревянному полу, непременно показалось бы, что это идёт каменный великан – так жутко и жалобно скрипели доски, прогибаясь под тяжестью его веса. Король был грузен, словно огромный бурдюк с вином, и от постоянных болей в ноге вечно пребывал в отвратительном настроении.

В кулуарах поговаривали, что Руаледа совсем не похожа на отца. Гибкая, стройная, невысокая, светлоглазая блондинка – она была копией своей матери-королевы, умершей прошлой зимой по официальной версии от козней тёмных сил, а по утверждению злых языков – от руки своего венценосного мужа, в порыве ревности давшего волю ярости. И то, и другое было отчасти верно. Руаледа давно стала замечать, что Его Величество сам не свой, но не могла понять, отчего с отцом стали происходить такие пугающие перемены. Прав у принцессы было значительно меньше, чем у любых особ мужского пола. Как говорил Данис, женщины нужны, чтобы согреть постель, и заключать выгодные браки. Это правило распространялось на всех: от сельской простушки до принцессы.

– Я не закончила молитву, Ваше Величество! – смиренно потупив взгляд, сказала принцесса.

Её рука нервно теребила страницы, а взгляд переходил с одного представителя свиты короля к другому. Нет, эти свирепые вояки – соратники её отца – ни за что не станут помогать ей. Что же делать?

– И хорошо! – прогремел король, заставив всех вздрогнуть.

– Ну, хорошо же! – развязно обратился он к свите. – Нечего попусту сотрясать воздух и глаза портить! Я бы вообще не учил баб читать! На что им столь ненужное умение?

Послышался громкий мужской смех, похожий на конское ржание, быстро прекратившийся после удара королевского посоха об пол.

– Пойдём, дочь моя, ты сообщишь послам о своём решении! – провозгласил в наступившей тишине Данис.

– О вашем решении, отец, – с горечью прошептала Руаледа, сделав ударение на слове «вашем».

На днях посол соседнего царства Отман принёс вести, навсегда омрачившие жизнь принцессы: царь Отмана предлагал заключить династический брак с его наследником, царевичем Люцианом. Отец Руаледы одобрил эту идею, как обычно, не считаясь ни с чьим мнением, кроме своего. Конечно, с политической точки зрения трудно было найти более выгодную партию. Брак Руаледы и Люциана представлял собой отнюдь не союз двух сердец, а союз двух государств, одно из которых славилось сильной армией, другое – богатой казной. Оба старались таким образом усилить свои позиции. Данис, так и не дождавшись сына-наследника от законной супруги, раздавал своих дочерей, которых в изобилии производили его наложницы, направо и налево, словно безделушки, заключая выгодные союзы то с разбойниками, то чародеями, то с дикарями из дальних пределов, то ещё не весть с кем.

Руаледе в этом плане повезло больше: она была принцессой крови, законной наследницей, поэтому её Данис собирался «продать» значительно дороже, чем всех прочих, отклонив многие предложения мелких правящих домов. Руаледа и Люциан не раз виделись на приёмах и турнирах, но неуклюжий, долговязый и нервный царевич, моментально влюбившийся в принцессу, не тронул её сердце, потому что оно уже было занято другим – тем, чей портрет она с такой любовью вышивала в этот снежный вечер. Малеарна, принца Имеллина, она увидела впервые на Турнире трёх королевств, проводимом ежегодно в честь прихода весны, и с тех пор мысли о нём не оставляли её ни на миг. Их встречи были коротки и горячи, и сначала ограничивались лишь пылкими взглядами, брошенными украдкой. Но иногда и одного взгляда достаточно, чтобы показать свои чувства!

– Это только ваше решение, – с горечью повторила Руаледа.

– Да! – недовольно изогнув бровь, прорычал король. – Моё решение, которое ты, как послушная дочь, пекущаяся о благе Тамейрана и о чести своей семьи, больше, чем о своих глупых стремлениях, должна поддержать!

– Ну! – крикнул король, заметив, что дочь не двинулась с места.

«Такая же своенравная, как и её мать!» – брезгливо подумал он, смерив тяжёлым недовольным взглядом изящную фигуру девушки, после чего выражение лица Даниса несколько смягчилось. Его всегда умиляли волнующие женственные формы. Если бы Руаледа не была законной дочерью короля, его вполне могло бы потянуть на подвиги.

– Мне нужно сменить наряд, государь! – сказала Руаледа, цепляясь за последнюю возможность оттянуть время. – Мы же не хотим показать послам Отмана, насколько плохи дела в Тамейране?

***

Дела в королевстве действительно шли из рук вон плохо. Причиной тому были слишком холодные зимы и несколько лет засухи, да и войны тоже уносили много средств. Данис вернулся и, хромя, пошёл к выходу. Пока дочь наряжается, чтобы в перспективе выполнить единственное, на что годятся женщины, можно было принять придворного чародея, который сегодня с самого утра просил об аудиенции. В конце концов, бежать принцессе было некуда: ни одного селения вокруг на несколько полётов стрелы. Снежная пустыня – лучшая клетка. Король не даром увёз дочь подальше от центральных областей с их соблазнами и туманящими мысли вредными идеями.

Придворный чародей ждал Его Величество в комнате для тайных переговоров, куда и направился Данис сразу же после беседы с дочерью. Вход в комнату был потайным и открывался с помощью печати, украшавшей безымянный палец короля. На неё ещё в давние времена нанёс открывающие символы прежний чародей Тамейрана служивший прадеду Даниса, а затем его венценосному деду и отцу. И служить бы ему и новому королю, но случилась какая-то тёмная история с нагрянувшей невесть откуда в здешние места скверной в женском облике, именовавшей себя «Верату Некромант Запада». В результате конфликта с этой ведьмой прежний придворный чародей неожиданно заболел и исчах за три дня. Ходили слухи, что уже после своей смерти он направился в Костяные Чертоги, где жила эта жуткая сущность в женском облике, чтобы вечно служить той, кого при жизни хотел убить.

Данис не верил в подобные бредни (по правде говоря, он не верил ни во что, кроме силы своего могучего кулака и меча), но было доподлинно известно, что тело придворного чародея странным образом исчезло из склепа. Нового знатока магии король выбирал себе сам, руководствуясь не только уровнем способностей чародея, но и личными вкусами. И вот теперь в комнате для тайных переговоров его ждал уродливый карлик, едва достававший Данису до пояса, так что король всегда смотрел на него сверху вниз, теща тем самым собственное самолюбие.

– Ты создал зелье? – спросил Данис, когда за ним сомкнулись стены, закрывая проход.

– Да, Ваше Величество! – сказал карлик, кланяясь, отчего становился ещё ниже.

Он протянул королю прозрачную колбу с плотно притёртой пробкой. Внутри плескалась серебристая жидкость, дававшая осадок в виде нескольких серебряных стружек.

– А подействует? – с сомнением проворчал Данис, собираясь встряхнуть ёмкость.

– Нет-нет, Ваше Величество! – воскликнул карлик, смешно подпрыгивая на кривых, коротких ножках. – Встряска – сигнал к началу действия магии зелья! Будьте осторожны!

– Ха! – довольно усмехнулся король, весело взглянув на колбу. – Хорошая встряска – это вообще сигнал к действию! Без неё не тот эффект.

– На счёт эффекта не сомневайтесь! – уверил его чародей. – Зелье Покорности очень крепкое. Только пусть принцесса выпьет это, как можно скорее! После встряски сосуда каждый миг промедления уменьшает силу воздействия.

– Я сам волью это в рот несносной девчонке и её саму ещё встряхну для верности! – прогремел король, решительно двинувшись к выходу. – Клянусь своим боевым мечом! Волью, даже если для этого придётся её связать и вставить в рот распорки, насильно отверзающие челюсти! Но если эффекта не будет, мой гнев будет страшнее, чем все бабские штучки хозяйки Костяных Чертогов!

Чародей поклонился, бросив вслед королю насмешливый взгляд, но Данис не видел этого, хотя и не питал никаких иллюзий по поводу своего карлика. Да и что толку во взглядах? Боль или радость могут принести только действия! По крайней мере, так считал Его Величество.

***

А вот его дочь поспорила бы с этим. Руаледда вспоминала мгновения своих встреч с принцем Имеллина. Как он смотрел на неё! Таким взглядом можно растопить все льды и снега, не то что девичье сердце! Впрочем, принцесса заметила принца первой. Малеарн был лучшим во всех турнирах: ему не было равных в бою на мечах; он прекрасно управлялся и с копьём, сидя на коне; умел поддержать беседу, показав изрядные познания в науках и блестящие манеры. А уж как пел! Менестрели все, наверное, умирали от зависти! Но принцесса полюбила его даже и не за это. Чувство возникло в ней ещё до того, как принц Имеллина продемонстрировал свои таланты. Пожалуй, это произошло тогда, когда она первый раз увидела его, выходящим в центр ристалища для приветствия.

Так бывает, когда душа чувствует другую родственную душу: разум ещё не принял решение, не понял, что происходит, а сердце уже сказало «да», и это не изменить. Так вот, Малеарн вышел в центр ристалища, и стал центром вселенной для юной принцессы, её солнцем. И опять

же не только потому, что был хорош собой. Ей приходилось видеть много красивых принцев, но никто из них не поразил её так, как юный сын короля Имеллина. В нём было что-то гордое и прекрасное, светлое и невыразимо родное! Может быть, они уже были вместе в прошлых жизнях и предназначены друг другу навсегда? Кто теперь даст ответ?

– Ой! Ваше Высочество! – воскликнула тем временем Нита, наблюдая за тем, как другие слуги вносят роскошный парадный наряд и украшения. – Какое платье!

Видно король решил пустить пыль в глаза послам Отмана, чтобы их царь вдруг не передумал женить своего отпрыска на его дочери. По древнему обычаю невеста в присутствии доверенных лиц жениха сама должна была дать согласие на брак, без принуждения с чьей-либо стороны. Когда-то это было залогом счастья молодых, но со временем исказилось до простой формальности. Интересы государства ставились выше интересов отдельно взятого человека. Возможно, в этом (в служении государству) и был главный смысл жизни монарших особ, но не для Руаледы, которая совсем не разделяла стремлений своего отца.

Ритуал Прилюдного Согласия был последним капканом, из которого уже нельзя было вырваться на свободу: дав согласие, невеста считалась навеки связанной со своим будущим мужем, дав отказ фактически подписывала себе приговор одиночества до смерти, потому что «отказниц» потом с большим трудом брали замуж, да и гнев отца тоже нельзя было сбрасывать со счетов. После того, как Данис за семейным ужином забил насмерть посохом очередную свою дочь от одной из наложниц, за то, что та посмела ему перечить, Руаледа поняла, что её участь будет не слаще.

***

В её голове созрел план избавления, а Нита помогала принцессе осуществить его, хотя и считала неразумным решение своей госпожи. Слуги разложили тяжёлое расшитое блестящими кристаллами платье на ложе принцессы, поместив рядом шкатулку с драгоценностями, которые Данис вынимал в самых крайних случаях, не балуя дочь украшениями. Вслед за слугами в комнату вошла няня принцессы – сухощавая старуха, жёсткие заострённые черты лица которой свидетельствовали о склонности повелевать. Данис приставил эту каргу к дочери не в целях заменить девочке мать, а в качестве сторожа и проводника его идей.

– Вы видите принцесса, как отец заботится о вас?! – холодно и чётко произнесла она, смерив свою подопечную суровым взглядом.

– Да, няня, – сказала Руледа.

– Значит, вы должны быть благодарной дочерью, не так ли?

– Конечно, няня!

– Одеть принцессу! Немедленно!

Слуги побежали исполнять приказ и уже расшнуровывали туго затянутые нити на повседневном платье принцессы, когда та вдруг упала без чувств прямо на руки Ниты.

– Это что ещё такое?! – недовольно воскликнула няня, подходя ближе.

– Их Высочеству с утра было нехорошо, – запричитала Нита, – Дело заварилось нешуточное! Переволновались принцесса! Не каждый день Прилюдные Согласия делаются! Счастье-то какое! Вот и не выдержало сердечко!

– Или притворяется! – холодно сказала няня, внимательно посмотрев на Руаледу, а потом добавила, возвысив голос:

– Лекаря сюда и мои душистые примочки!

– И воды бы тоже не помешало! – кротко вставила Нита, снискав ещё более подозрительный взгляд няни.

– И воды! – наконец, добавила та. – И чтобы ни звука никому о болезни принцессы! Не хватало только послов спугнуть.

Слуги разбежались выполнять поручения, а няня прикрыла за ними дверь, чтобы вся челядь во дворце не глазела на наследницу Тамейрана, повалившуюся на пол, как сноп.

– Ваше Высочество, может быть, откажемся от этой затеи? Мороз нынче знатный, да и ночь близко, боюсь, не выдержите вы долгий путь, да и король не будет сидеть сложа руки, – едва слышно прошептала Нита, чья практическая сметка подсказывала, что затеянный побег может провалиться. – Послушав отца, вы когда-нибудь станете царицей Отмана. А что будет, если мы осуществим задуманное? Не обернётся ли всё только хуже?

Но принцессу было уже не остановить, а отпустить её в одиночестве Нита никак не могла, потому что поклялась её умирающей матери, что будет, оберегать её единственную дочь. Эту клятву она старательно выполняла уже несколько лет, при этом так и не найдя способа убедить принцессу от самой главной опасности для всех венценосных и не венценосных особ: от любви. Ведь давно было известно, что браки королей и королев никогда не совершаются по воле чувств. Всем в мире правит выгода, но Руаледа, наверное, пока не поняла, что есть такой негласный закон.

– О чём вы там шепчетесь?! – свирепо проворчала няня.

По старости она была несколько туговата на ухо, зато подвох чувствовала острее молодых.

– Это я молитву читаю, Ваша Милость, – как ни в чём не бывало отозвалась Нита. – О здоровье госпожи!

– Смотри! Я давно слежу за тобой! – сказала няня, подходя ближе. – Скоро твои золотые денёчки окончатся! В Отман ты с ней не поедешь, там без тебя слуги найдутся (вы только и можете, что плодиться в изобилии), а король Данис отдаст тебя мне, после того как воспользуется сам.

Она схватила Ниту за волосы, видимо желая заранее приучить к покорности слишком много позволявшую себе служанку дочери короля. И в этот момент старухе в лицо полетело неизвестно откуда взявшееся облако порошка. Белый, как снег, он моментально забил глаза и нос няни, заставив её задыхаться и кашлять кровью, схватив себя за горло.

– У! Карга старая! – зло проговорила Нита, когда няня рухнула на пол и затихла.

– Ты что убила её?! – воскликнула принцесса, моментально перестав притворяться упавшей в обморок.

– Да что вы, Ваше Высочество! Нет, конечно! – спокойно заявила Нита. – Это корень рикаты... молотый. У отца взяла тайком. Он у меня охотник, вы же знаете. Так вот, это средство помогает быстро зверьё умирять, когда подлечить надо или ещё что. Вот я и отсыпала самую малость. А живность потом ничего, бегаёт, как очухается – сама видела! Так что со злыдней этой всё хорошо будет.

Руаледа перевела дух. Она тихо ненавидела приставленную отцом няню, но убивать совсем не хотела, потому что считала убийство неприемлемым для будущей королевы, хотя отец, часто говорил, что короли с чистыми руками и добрыми сердцами долго не живут. Нита встала и побежала подпирать входную дверь изнутри специально заготовленной крепкой палкой. Принцесса в это время вынула из сундучка портрет Малearна и, поцеловав принца в вышитые губы, спрятала за пазуху.

Когда Малearн выиграл Турнир трёх королевств, подразумевавший состязания на мечах и копьях, демонстрацию дара красноречия и знания истин веры, музицирование и танцы, Руаледа уже была безумно влюблена. Ей нравилось всё в молодом принце: и гордая осанка, и широкие плечи, и голос, и походка. Он весь был воплощением её мечты, но король Данис отклонил его предложение руки и сердца: у королей Имеллина всегда не было ничего кроме чести и смелости, а эти составляющие мало привлекали владыку Тамейрана, предпочитавшего звон монет и обширные владения. Руаледа смахнула слезу, предательски скатившуюся по щеке, и взглянула на свою служанку.

– Пора, Ваше Высочество! – решительно сказала та, уперев руки в боки, а потом добавила, спохватившись:

– Ох! Воздаяние-то! Чуть не забыли! Скорее!

Девушки принялись быстро срезать самые крупные драгоценности с парадного одеяния.

– Всё! Пойдёмте! Надо поторапливаться! Вот-вот король спохватится! – деловито сказала Нита, схватив принцессу за руку.

– Думаешь, этого хватит? – с сомнением спросила Руаледда, взвешивая в ладони срезанные камни, – Может, это фальшивки?

– Других всё равно нет! – пожала плечами Нита. – И потом она, может быть, и не требует драгоценности. Я от прабабки своей слышала, что всяко бывало. Кто-то и без такой оплаты обходился.

Руаледда с надеждой взглянула на свою служанку. Они были вместе с самого детства, и уже тогда шустрая и пронырливая Нита постоянно была в курсе всего на свете, подслушивая разные разговоры и подглядывая за всеми при дворе и в селении, куда иногда выходила с поручениями принцессы. Руаледде же не разрешалось появляться на людях без охраны, свиты и няни, поэтому жизнь служанки казалась ей гораздо и веселее.

– А что ещё говорила твоя прабабка? – спросила она, складывая срезанные с платья драгоценности в кيسет, где уже лежало всё содержимое запретной шкатулки Даниса.

– Что с некромантами шутки плохи! – наморщив лоб, выдала Нита. – Что они могут и мертвеца оживить, и из живого мертвеца сделать, а сами при этом даже глазом не моргнут.

– А про неё? Что она говорила про неё? – нетерпеливо воскликнула принцесса.

– По дороге расскажу! – сказала Нита, торопливо накидывая на плечи Руаледды пушистую шубку.

Затем она решительно отодвинула край ковра, обнажив стёршийся от времени орнамент на полу. Когда-то тот был выполнен в форме солнца, щедро раздававшего свои лучи, а теперь напоминал нечто уродливое и жуткое, потому его и закрыли ковром.

– Как же это?... – пробормотала Нита, сосредоточенно потирая лоб, чтобы вспомнить что-то важное. – А! Вот!

Она прошла по оставшимся линиям, словно по лабиринту, иногда пристукивая каблуком по полу в местах их соединений, и на глазах у изумлённой принцессы центр солнечного диска начал медленно опадать вниз, преобразуясь в ступени, ведущие в темноту.

– Ты что, всегда знала про этот ход и молчала?! – недовольно воскликнула Руаледда, тоже топнув ногой.

– Осторожнее, Ваше Высочество! Тут каждый стук важен! – укорила её Нита и принцесса взяла себя в руки.

– Если б я всегда знала, разве утаила бы это от вас? Это мне прабабка перед смертью тайну открыла, – быстро тараторила служанка, когда они с Руаледдой, непристойно приподняв юбки, спешили по тёмному коридору на волю. – Она, прабабка-то моя, прежним королям – пращурам вашего отца служила, так говорит, что их жёны через этот проход бегали к своим тайным любовникам-менестрелям.

Нита ненадолго замолчала, переводя дух, а потом продолжила свою болтовню:

– Вот смеху-то было! Король, на войну или ещё куда надолго отлучаясь, запирает королеву в этой комнате, запретив даже окна открывать без него. Возвращается, а супруга беременна! А так как в комнату никто не входил (даже еду слуги передавали через специальное отверстие, не появляясь на глаза Её Величества), то поди докажи, что ребёнок не его! Так что в вашей крови, Ваше Высочество, столько всего понамышано, и не разобрать!

Руаледда подумала о том, что следовало бы наказать Ниту за острый язык, но потом решила, что простит ей этот недостаток, потому что более верного и находчивого человека ей в целом свете не найти. Бежать в темноте рядом с ней было не страшно. Вскоре в глаза беглянкам ударил белый свет холодного заснеженного мира. Принцесса первой вырвалась из

подземелья, радостно улыбаясь мягко падающим снежинкам. Она не любила зиму, но сейчас, готова была целовать снега под ногами, от радости долгожданного освобождения.

Далеко позади остался ненавистный дворец, ставший ей снежной тюрьмой, отец, для которого она была всего лишь разменной монетой в политической игре, и всё прошлое, которое Руаледа мечтала оставить навсегда под толщами снегов и льда. Их, конечно, хватятся, а, может быть, и уже хватились, но вряд ли кто быстро догадается о том, как девушки исчезли из дворца: Нита уже привычным постукиванием каблука закрыла за собой путь в подземелье. Теперь о нём напоминал только задранный край ковра, под которым лежала усмирённая няня. Хорошо бы подозрение пало на неё!

– Ну где ты там! – крикнула Руаледа своей служанке, которая почему-то замешкалась у выхода из подземного коридора.

– Иду-иду, Ваше Высочество! – отозвалась та.

Мороз, и правда, был знатный! Он нахально щипал щёки и нос, и норовил, как отчаянный бабник, залезть под юбки и трогать лодыжки и бёдра девушек цепкими холодными руками. Да ещё и вьюга начинала кружить косматые вихри, похожие на рассыпающиеся снегом кнуты! Впрочем, беглянкам это было даже на руку. Позёмка заметёт следы, и возможной погоне будет сложно отыскать двух девушек, затерянных среди белой пустыни и обжигающего холода, но и подмога тоже никогда не найдёт их.

– Ничего! Справимся! – шептала себе под нос Нита, не имевшая привычки поддаваться унынию, на это у простого люда вечно не хватало времени.

То ли дело принцессы! Нита накинула капюшон и, увязая в сугробах по колено, побежала туда, где дожидались небольшие сани, запряжённые четвёркой ледяных зверей, управляемых несложной магией, которой обучали мало-мальски способных слуг. Ледяные звери могли иметь самые разные, иногда причудливые, формы, не требовали еды и питья, а самое главное, не боялись холодов и беспрекословно выполняли приказы. У этой технологии был только один недостаток: каждую зиму приходилось создавать новые экземпляры взамен растаявших старых, вырубая их из специально замороженных глыб. Младший брат Ниты, Сейзар, несмотря на молодой возраст, достигавший всего восемнадцати лет от роду, был большим умельцем по этой части.

Он и создал зверей, втайне от короля, а потом и сам подался в бега, понимая, что после исчезновения принцессы и его сестры, гнев безутешного отца обрушится на него, и тогда не сносить ему головы, а хороший снежных дел мастер пригодится хоть в Имеллине, хоть в любом другом королевстве. С руками оторвут! Кроме больших и могучих шестиногих скакунов, из оставшегося обломка ледяной глыбы у него получился ещё один зверёк, правда уже мелкий и круглобокий экземпляр. Его Нита решила использовать, как посланника, отправив с ним весть для Малearна, чтобы принц встретил их и защитил, если это понадобится.

– Вот, Ваше Высочество! – сказала она, осторожно подавая принцессе ледяного зверька. – Нашепчите ему всё, что хотите сказать сыну короля Имеллина, да непременно думайте о нём, чтобы зверь запомнил образ!

Руаледа отошла в сторону и поднесла к лицу добродушную белую мордочку. Ощувив её дыхание, зверь проснулся и открыл ледяные глаза, в которых не было ни капли разума или чувства. «Но зато в нём нет и злого умысла!» – подумала принцесса и принялась шептать любовное послание.

– Ты узнала, где вход в Костяные Чертоги? – деловитоспросил брат Ниты, дожидавшийся девушек рядом с ледяными скакунами.

– Да! – веселосказала та. – Умирая, прабабка поведала мне и об этом. Она обращалась к Верату за помощью, и не раз! Это значит, что с Некромантом можно договориться. Только привычного входа в Костяные Чертоги для живых нет.

– Как это нет?! – Сейзар высоко поднял брови от удивления.

– Вот так! Живые его не найдут! – сказала Руаледа. – Верату принимает у себя только мёртвых, а ещё тех, кто близок к смерти, ну и иногда тех, кто ей особенно приглянется, хотя такое бывает редко.

– Но мы-то живы! И я умирать не собираюсь! – воскликнул Сейзар, укоризненно взглянув на свою сумасбродную сестрицу.

– Я тоже! – хитро улыбаясь, прошептала она ему на ухо. – Но прабабка дала мне средство, с помощью которого сама побывала там! Зелье мёртвого сна! На всех хватит. А потом, когда действие его закончится, мы проснёмся и всё!

– Что «всё»?! – Сейзар покачал головой от досады. – А вдруг Некромант Запада нас убьёт? Или зелье не подействует до конца, и мы не проснёмся?

Он корил себя за то, что пошёл у сестры на поводу, не вникнув в суть дела. Конечно, смерть как хотелось посмотреть на прославленного Некроманта Запада, о которой в народе ходило столько жутких легенд, но он только теперь понял на что решился! И какому риску подверг себя и свою семью. Жить при короле Данисе было несладко, но Сейзар и его отец не голодали, не говоря уже о Ните. Правда, Его Величество, как-то странно смотрел на него последнее время, часто подходя слишком близко, когда Сейзар ухаживал за зверями в стойлах. В такие моменты его окутывал отвратительный смрад винного перегара и запаха приготовленного придворным чародеем зелья, которое Данис постоянно принимал от болей в ноге. А ещё все подданные знали, как скор и жесток на расправу король с теми, кто допускал даже малейшееслушание. Трупы многих таких несчастных гнили подвешенными за ноги с вывороченными наружу кишками. Ими в назидание была «украшена» центральная площадь города.

– Ты сказал отцу? – спросила Нита.

– Да, он выехал ещё вчера с разрешения короля охотиться на дальние кордоны. А там затеряться в лесах – пара пустяков и до границы с Лераном рукой подать.

Нита вздохнула с облегчением. Теперь её ничего не связывало с этой страной. Она посмотрела на принцессу, которая продолжала наговаривать тарашившемуся на неё ледяному посланнику сообщение для Малеарна. Временами принцессацеловала зверька в нос и прижимала к своей щеке.

– Он ведь растает! – воскликнула Нита, всплеснув руками, и побежала к ней.

Она подроспела к Руаледе, когда та, закрыв глаза, испулённо шептала:

– Я люблю тебя всем сердцем, мой дорогой Малеарн, и жду не дождусь, когда ты назовёшь меня своей! Ты – мой свет в ночи, моя жизнь! И если мы не будем вместе, я покончу с собой, чтобы другой никогда не коснулся меня!

Видя, как страдают от неразделённых чувств и мучаются от ревности некоторые служанки и дамы знатных кровей, Нита с самого детства сделала вывод о том, что любовь – очень вредное занятие, потому что отвлекает от дел и мешает сосредоточиться, делая женщину глупее, чем она есть. Себе она тогда клятвенно пообещала, что её сердце не никогдадрогнет. Первое время всё так и было, да и подходящие кавалеры не попадались на пути. Простые местные жители казались слишком неотёсанными, после того, как она успела пообщаться с воспитанными и образованными принцами, а дети родовитых вельмож смотрели на неё, как на очередную юбку в их коллекции трофеев. Семья Ниты была слишком бедна и безродна, чтобы претендовать на что-то в этом мире. А претендовать, по правде говоря, очень хотелось.

Тем временем, принцесса отдала Ните, подтаявшего от любовного пыла ледяного зверька, а та положила его на снег, чтобы Сейзар дал ему приказ двигаться. Круглобокий малыш быстро покотился вперёд и вскоре скрылся из виду.

ГЛАВА II. Ледяные сны

Ничего не зная о замыслах Руаледы, Принц Малеарн, которого в народе ещё благоговейно именовали «принц сердец», стоял по правую руку от короля, восседавшего на золотом троне в Белом Зале имеллинского дворца, где проводились торжественные приёмы. Обычно сосредоточенно слушавший все приветственные речи послов, Малеарн сегодня был как-то особенно рассеян, словно его душа витала где-то в невозможных далях самой светлой мечты. На мужественном лице принца играла загадочная улыбка, а взгляд пронизывал зал, не задерживаясь на разряженных послах, знатных дамах и вельможах. Казалось, Малеарн видит что-то волшебное сквозь стены и одетые в снега долины, горы и леса. Телом он оставался во дворце, а душа готова была вырваться и улететь к любимой!

Это сразу же отметил про себя герцог Дзето, сводный брат Малеарна, чья очередь к трону была на одну ступеньку длиннее, а на самом деле – на целую жизнь – жизнь первого претендента. Вечный второй, Дзето был обречён до старости стоять по левую руку от короля у золотого трона и никогда не примерить корону, если только... Дзето потупил очи долу, изображая высочайшее смирение и сосредоточенность. У него никогда не хватало духу как-то серьёзно навредить Малеарну и тем более выступить против него в открытой борьбе. Вместо этого Дзето ограничивался булавочными уколами, стараясь медленно подтачивать терпение старого короля, демонстрируя недостатки его первого сына на фоне своих достоинств.

Этому он научился у своей матери – редкостной интриганки, недавно ушедшей в Страну Смерти, так и не доиграв своей главной партии, которую предстояло продолжить Дзето. Король-отец тоже был уже очень стар, но его воля по-прежнему оставалась твёрже алмаза, а благородство и честность часто брали верх над выгодой. В результате Имеллин терял важные, с точки зрения Дзето, связи, которые герцог бы постарался приумножить и развить. Сейчас, на этом приёме решались вопросы о совместной торговле, и когда всё было уже оговорено, король предложил скрепить соглашение Ритуалом Объединяющей Чаши.

Под общее одобрение главный чашник вынес на старом поносе большой круглый сосуд, наполненный ароматным бодрящим напитком, который предстояло вкусить каждому из гостей. Все ждали напутственной речи короля, но тот решил предоставить слово своим сыновьям – будущему Имеллина. Герцог, выступивший прежде замешкавшегося Малеарна, произнёс блестящую тираду, которую давно подготовил для подобного случая, и сделал глоток из чаши. Его старания не были замечены обществом, вызвав только редкие возгласы одобрения, возможно, потому, что эти пышные фразы были мертвы от фальши, не достигая души.

– А ты что скажешь нам, Малеарн? – спросил король и, опираясь на подлокотник, повернулся к старшему сыну.

– Я... – принц рассеянно огляделся вокруг и, не раздумывая, обратился к послам. – Я понимаю, что вопросы торговли и политики сопряжены с выгодой и деньгами, но сегодня, я хочу сказать о том, чего не купишь за деньги: о любви, о преданности и вере. Мне кажется, что человека и даже целый мир можно считать по-настоящему живым и счастливым, если он не утратил эти бесценные богатства! И я надеюсь, что выгода никогда не сможет затмить их в ваших сердцах!

Он тоже сделал глоток из чаши в знак объединения, но уже под громкие выкрики зала: «Да здравствует принц Малеарн!» Дзето никогда не понимал, за что люди так любят его сводного брата. И в этот миг он поклялся себе, что не остановится ни перед чем, чтобы опередить его.

***

– Ты какой-то странный сегодня, – сказал король Имеллина, когда после официального приёма остался с принцем один на один.

Они прогуливались по аллее – высокий, статный и полный сил Малеарн и сгорбленный, немощный старец – король. Зима в Имеллине не была такой суровой, как в Тамейране или Отмане. Под тёплым взглядом имеллинского солнца снег не казался враждебным, не смея показывать свой характер и превращаться в смертоносный буран. Вместо этого редкие снежинки тихо падали с высоты, искрясь и мерцая, будто драгоценные камни.

– Я всё решил! – сказал Малеарн, резко останавливаясь перед отцом и решительно отбросив непослушную светлую прядь, упавшую на его высокий лоб.

Король Имеллина любил, когда его сын вот так проявлял решительность. В нём он узнавал себя молодого, уносясь в воспоминаниях в те далёкие и счастливые дни, когда его первая жена, мать Малеарна, была жива.

– Что именно? – спросил король, уже догадываясь о том, что мог задумать его сын.

И Малеарн рассказывал отцу о своём решении отправиться в Тамерайн с группой верных ему людей и выкрасть принцессу Руаледу, освободив её из-под гнёта тирана-отца.

– Это, мягко говоря, неразумно, сын! – тяжело вздохнув, сказал король Имеллина, выслушав пылкие объяснения. – Мир с Тамейраном очень хрупок и может разбиться вдребезги от любого неверного шага. А войны, которые могут последовать – это большое несчастье для любого королевства.

– Но разве ты не сражался за свою любовь?! – наивно спросил Малеарн, отважно сверкнув глазами. – Разве это не ты выступил один против целой армии Чёрных Пустошей, чтобы защитить мою мать?! И разве ты не победил?!

– Да... – немного помедлив, тяжело вздохнул король-отец, и в его взгляде отразилась на миг былая молодецкая удаль. – Но...

Годы сделали его мрачнее, согнув прежде гордый стан тяготами забот о государстве, требовавших порой не самых приятных и правильных с точки зрения общепринятой морали решений.

– Послушай, я очень люблю тебя! – порывисто начал король, положив морщинистую руку на плечо сына. – И не могу позволить, чтобы с тобой что-то случилось!

– Да что же может случиться?! – пылко воскликнул Малеарн. – Разве не я – лучший мечник?!

– Владыка Тамейрана будет сражаться с тобой не на мечах, – мрачно заметил король-отец. – Нельзя бросаться в бой, очертя голову, не разработав стратегию, не изучив своего противника. И потом, если принцесса предназначена другому и уже прошла Ритуал Прилюдного Согласия, то...

Договорить ему не дал странный шорох. По траве, пожухшей от нагрянувших холодов и слегка припорошённой рыхлым снежком, катился небольшой круглый кусок льда. У ног Малеарна он остановился, будто приглашая принца прикоснуться к себе.

– Откуда тут ледяной зверь?! – только и успел удивлённо пробормотать король Имеллина, разглядывая забавную мордочку и аккуратно прикоснувшись к посланнику своим клинком, в порыве отодвинуть опасный предмет подальше от своего сына.

Имеллин славился системой справедливого суда, который настигал всех преступников, раньше, чем они успевали совершить нечто ужасное, но осторожность в делах никогда не была лишней. Малеарн же, не раздумывая, подхватил зверька на руки, чтобы лучше разглядеть. Это стало сигналом к действию. Ледяной посланник открыл глаза и заговорил голосом Руаледы, заставив в изумлении замереть и отца, и сына. В словах принцессы было столько искренности и страсти, что зверь медленно таял, произнося их, а, может быть, это ладони принца были так горячи. Когда от посланника осталась только дрожащая лужица влаги, похожая по форме на сердечко, король-отец понял, что сына ему уже не остановить.

– Это надо использовать, – прошептал себе под нос герцог Дзето, тайком наблюдая за своими родственниками из-за ствола могучего дерева. Подглядывание и подслушивание для

пользы дела он не считал зазорным. Дзето много отдал бы за то, чтобы иметь возможность наблюдать и за Руаледой.

***

Пока герцог не знал, что сразу после того, как снежный посланник поспешил к Малеарну, Нита усадила принцессу в сани, укрыв её до плеч тяжёлым меховым покрывалом, и сама усе-лась рядом, глубже надвинув шапку на лоб. Сейзар тихо произнёс заветное слово, заставившее скакуновнести сани вперёд, в белую даль. Путь предстоял неблизкий.

Руаледо хотелось чтобы ледяные звери унесли её сраз прямо в Имеллин, где жил её воз-любленный – принц Малеарн и не было таких суровых зим с колючими ветрами и выморажи-вающим душу холодом, но быстропреодолеть огромное расстояние до этого королевства на простых санях, даже запряжённых ледяными скакунами, было невозможно. Слишком долог и опасен путь по бесконечной белой равнине, чреватой внезапными обрывами, замаскирован-ными слоем снега, и колючими холодными буранами. Обычно жизнь будто замирала здесь до весны. Поэтому оставалось только искать помощи в Костяных Чертогах – пристанище всех страждущих, готовых принести что-то в жертву во исполнение своих надежд.

– Так что ещё говорила твоя прабабка о Некроманте Запада? И вообще, почему она обра-щалась к ней за помощью? – нетерпеливо спросила принцесса, когда сани мягко и быстро полетели навстречу её мечте.

Сейзар умело правил, сидя на козлах, и невольно подслушивал девичьи разговоры. У него уже был небольшой, но очень яркий, опыт в любви, правда, он не решался высказать своё мнение принцессе, опасаясь её гнева (всё-таки Руаледо, несмотря ни на что, была дочерью своего отца, а Даниса в Тамейране боялись все).

– Прадед отца Вашего Высочества, казнил человека, которого она любила, – печально сказала Нита.

– За что же?! – с совершенно искренней жалостью в голосе спросила Руаледо.

– Тот защитил её от, так скажем, излишнего внимания короля, – Нита выразительно взглянула на принцессу и та, поняв в чём дело, залилась краской, а потом снова спросила:

– И что же она сделала?

– Ночью она выкрала тело моего прадеда, брошенное на площади в назидание всем жите-лям, и привезла его на повозке в Костяные Чертоги, а там попросила Верату вернуть жизнь её возлюбленному, – восторженно и с гордостью сказала Нита.

Крупные хлопья снега, падавшие с небес, окутывали всё вокруг своим белым волшеб-ством, только вдали уже сгущалась синяя мгла – предвестник грядущей ночи.

– О! Это так смело! И так мило! – восхищённо прошептала принцесса. – Но разве такое возможно?!

– Я – тому доказательство! – весело заявила Нита. – Я же – их правнучка! Верату соеди-нила части, на которые повелел разрубить его тело король, и вскоре мёртвый ожил и заговорил с ней!

– А что стало платой Некроманту? – спросила Руаледо, немного помрачнев.

Она не одобряла подобные казни, считая, что всего можно достичь более мирным спо-собом, а сила наказания не в его жестокости, а в его неотвратимости.

– У моей прабабки никаких драгоценностей не было. Да и Некромант забрала у неё совсем не деньги, а ...

Нита смущённо опустила глаза.

– Что? Что она попросила?! – не унималась принцесса.

– Не надо бы вам об этом знать, – пробормотала Нита. – Испугаетесь вдруг, а дороги назад у нас уже нет.

– Говори сейчас же! – крикнула принцесса, как раскапризничавшееся дитя.

– Она потребовала её глаза! – мрачно ответила Нита. – Сказала, что таким образом ещё и избавляет её от созерцания земных бед – двойная выгода, дескать.

– И твоя прабабушка согласилась?! – изумилась принцесса, дрожа то ли от страха, то ли от холода.

– Да, – сказала Нита. – Ведь она же любила его всей душой, и ради того, чтобы вернуть ему жизнь, готова была даже отдать свою!

– О! Как это прекрасно! Какая замечательная история! – воскликнула Руаледа, в глазах которой уже блеснули слёзы восхищения.

***

Ледяные звери, управляемые Сейзаром, долго мчались по косматым снежным пустошам, и Руаледа постоянно задавала себе один и тот же вопрос: что будет, если Некромант Запада потребует и у неё отдать глаза ради исполнения мечты?! Сможет ли она, принцесса Руаледа, пожертвовать этим или чем-то ещё более важным ради принца Имеллина?! И Нита, невольно, тоже задавала себе тот же вопрос. В результате, принцесса заснула от мерного бега саней и объятий мороза. Во сне ей виделся Малеарн и самый прекрасный миг их встречи, когда они первый раз остались наедине.

Это случилось после Турнира трёх королевств. Юный принц тогда, как бы случайно, каждый вечер в сопровождении своего верного слуги отправлялся осматривать окраины Имеллина, от которых до летнего замка короля Тамейрана было рукой подать, а Руаледа тоже, как бы случайно, часто прогуливалась в лесу, стараясь как можно дальше отойти от сопровождавшей её свиты. Ей почему-то верилось, что Малеарн непременно придёт за ней. Да и как могло быть иначе? Как-то раз ей вообще удалось скрыться из виду, с помощью Ниты обманув всех придворных дам, служанок и старую няню.

– Где принцесса?! Немедленно организовать поиски! – верещала та на весь лес, заметив пропажу, а Руаледа тихо смеялась, прячась в высоких зарослях душистых цветов, откуда и наблюдала общий переполох.

– Пойдёмте, Ваше Высочество! Здесь нас могут найти! – резонно заметила Нита и потянула принцессу за руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.